

Дом с двумя сердцами

Айлин Рейвенкрофт

Айлин Рейвенкрофт

Дом с двумя сердцами

<https://litres.ru/74641024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Доктор Эдмунд Торн — уважаемый врач, вдовец, хозяин старого мэнора с двумя крылами. Его жизнь размеренна и предсказуема, пока в ней не начинают появляться трещины: свет в запертой комнате, чужие письма, которые он не писал, провалы в памяти, о которых он не помнит.

Что-то живёт в его доме. Что-то живёт в нём самом.

Он не сразу понимает, что болен. Он не сразу замечает, что окружающие видят в нём кого-то другого. Он не сразу слышит голос, который называет себя Пендрагоном. Но когда он наконец начинает понимать — бороться уже поздно.

Психологический хоррор о медленном распаде личности, о доме, который дышит, и о проклятии, которое передаётся через кровь, через стены и через два сердца. Одно из них — ваше.

Айлин Рейвенкрофт

Дом с двумя сердцами

Эта книга — не для тех, кто ищет покой.

Она для тех, кто слышит шаги в пустом доме. Для тех, кто просыпается ночью от того, что кто-то назвал их имя. Для тех, кто чувствует второе сердце в своей груди и не знает, чьё оно.

Я не скажу, что эта история правдива. Я не скажу, что она вымышлена. Я скажу только одно.

Дом с двумя сердцами существует. Он всегда существовал. Он просто ждёт, когда вы откроете дверь.

Не открывайте.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Дом, который дышит.

Глава вторая. Человек, которого не было.

Глава третья. Шёпот в стенах.

Глава четвёртая. Друг семьи.

Глава пятая. Первое признание.

Глава шестая. Кровь и перья.

Глава седьмая. Двойное дно.

Глава восьмая. Голос плоти.

Глава девятая. Неделя, которой не было.

Глава десятая. То, что осталось в стенах.

Глава одиннадцатая. Харви приезжает снова.

Глава двенадцатая. Уитби.

Глава тринадцатая. Море.

Глава четырнадцатая. Элеонора.

Глава пятнадцатая. Комната, которой нет.

Глава шестнадцатая. Мать.

Глава семнадцатая. Кровь на стенах.

Глава восемнадцатая. Дом Харви.

Глава девятнадцатая. Пендрагон.

Глава двадцатая. Правда.

Глава двадцать первая. Принятие.

Глава двадцать вторая. Свидетель.

Глава двадцать третья. Пепел.

Глава двадцать четвёртая. Дом с двумя сердцами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дом, который дышит.

Доктор Эдмунд Торн возвращался домой по улице Крипплгейт, и его трость мерно постукивала по булыжникам, влажным и скользким от вечной измороси. Он слышал этот звук — тук, тук, тук — и находил в нем странное успокоение. Ритм. Порядок. Предсказуемость. Все то, чего так не хватало в окружающем мире.

День выдался тяжелым. В Королевской лечебнице Свято-

го Варфоломея, где Эдмунд служил консультантом уже двенадцатый год, сегодня проводили осмотр новых пациентов.

Женское отделение пополнилось тремя случаями, и все три были безнадежны.

Первая — молодая швея, которая утверждала, что по ночам ее навещает покойная мать и просит «вернуть долг», выцарапывая ногтями на ее руках какие-то цифры.

Вторая — жена фабричного управляющего, которая перестала узнавать собственных детей, называя их «подменышами».

Третья — совсем юная девушка, почти девочка, которую привезли из рабочего дома после того, как она пыталась выцарапать себе глаза, потому что «в них кто-то смотрит».

Эдмунд выслушал каждую, задал положенные вопросы, сделал пометки в блокноте и прописал стандартное лечение: изоляция, холодные ванны, опий в малых дозах. Он не верил в их выздоровление. Он вообще мало во что верил в последнее время.

Год назад умерла его жена, Элеонора, и с тех пор мир для Эдмунда потерял часть своей плотности, стал как будто менее реальным, более серым. Он продолжал работать, продолжал жить, но делал это по инерции, как заведенный механизм, в котором давно сломался главный маховик.

Улица Крипплгейт тянулась вверх по склону холма, уводя от доков и фабрик в более respectable часть города. Здесь дома были выше, фасады — опрятнее, а туман — чуть

светлее, потому что сюда не долетали клубы угольной гари от заводских труб.

Эдмунд шел мимо ряда одинаковых особняков из серого камня, каждый с узкими высокими окнами и маленьким палисадником, в котором чахли редкие кусты. В окнах горел газ — желтоватый, дрожащий свет, который не столько разгонял тьму, сколько делал ее более осязаемой, более густой.

За стеклами мелькали силуэты людей: служанка, поправляющая штору; мужчина в кресле с газетой; ребенок, прижавшийся носом к стеклу и смотрящий на улицу. Эдмунд не смотрел на них. Он смотрел прямо перед собой, на свою трость, на мокрые булыжники, на носки своих начищенных до блеска ботинок.

Мэнор стоял в самом конце улицы, на вершине холма, и был самым большим и самым старым зданием во всем квартале. Он был построен в прошлом веке, в георгианском стиле, с двумя симметричными крылами, соединенными центральным залом с высоким фронтоном и колоннами.

Когда-то это был фамильный особняк семьи Торн, но теперь от семьи остался только Эдмунд, и дом казался ему слишком большим, слишком пустым, слишком гулким. Каждый шаг по его паркетным полам отдавался эхом, каждый звук — скрип половиц, завывание ветра в дымоходе, капанье воды из прохудившегося крана — разрастался до размеров события.

Эдмунд привык к этому. Он даже находил в этом свое-

образный комфорт. Тишина и одиночество были его единственными собеседниками в последние месяцы, и он не стремился их менять.

Он подошел к дому, когда уже совсем стемнело. Газовый фонарь у ворот горел тускло, его свет то вспыхивал, то затухал, как будто внутри боролись две силы — одна, желающая освещать, и другая, желающая поглотить свет.

Эдмунд достал из кармана связку ключей, выбрал нужный — большой, тяжелый, с затейливой гравировкой в виде двух переплетенных сердец, — и вставил его в замок. Замок поддался не сразу; пришлось повернуть ключ дважды, с усилием, и Эдмунд почувствовал, как что-то внутри механизма с трудом проворачивается, как будто дверь сопротивлялась его вторжению. Это было странно. Обычно замок открывался легко, одним поворотом. Эдмунд нахмурился, но списал это на сырость и холод — металл мог сжаться, механизм мог заржаветь. Он толкнул дверь и вошел в холл.

Внутри было темно и холодно. Эдмунд снял пальто, повесил его на вешалку у входа и зажег спичку, чтобы затеплить газовый рожок на стене. Спичка вспыхнула, осветив на мгновение резные панели на стенах, высокий потолок с лепниной, широкую мраморную лестницу, ведущую на второй этаж.

Мужчина поднес спичку к рожку, и газ загорелся с тихим хлопком, залив холл дрожащим желтым светом. Тени от предметов — вешалки, столика с зеркалом, статуи в нише

— заплясали на стенах, и Эдмунд на секунду замер, глядя на них. Ему показалось, что тени движутся не в такт пламени, что они живут своей собственной жизнью, что они тянутся к нему, пытаются дотронуться. Он моргнул, и наваждение прошло. Тени как тени. Просто усталость. Просто голод. Он не ел с самого утра.

Эдмунд прошел через холл в центральный зал — большое помещение с камином, книжными шкафами до потолка и двумя высокими окнами, выходящими на задний двор. Здесь он проводил большую часть времени, когда бывал дома. Камин был уже затоплен — миссис Харт, экономка, знала свое дело. Огонь весело потрескивал, отбрасывая оранжевые отблески на кожаные кресла, на письменный стол, на ковер с вытертым узором. Эдмунд подошел к камину, протянул руки к огню, чувствуя, как тепло постепенно возвращается в окоченевшие пальцы. Он постоял так с минуту, закрыв глаза, позволяя усталости навалиться на него всей тяжестью. День был долгим. Слишком долгим.

Потом он открыл глаза и увидел свет.

В левом крыле дома горело окно. Эдмунд знал это окно — оно принадлежало комнате, которую он закрыл год назад, после смерти Элеоноры. Он запер туда дверь, заколотил окна досками, разве что не замуровал вход кирпичом.

Он не мог туда входить. Не мог видеть ее вещи, ее кровать, ее туалетный столик с флаконами духов и щетками для волос. Он хотел сохранить эту комнату как склеп, как мав-

золей, как место, куда он никогда не вернется. И вот теперь в этом окне горел свет. Желтый, дрожащий, точно такой же, как в остальных окнах дома. Как будто кто-то зажег там газ.

Эдмунд стоял неподвижно, глядя на это окно. Внутри у него все сжалось — сердце, желудок, горло. Свет в запертой комнате. Это было неправильно. Это было невозможно. Миссис Харт не могла туда войти — у нее не было ключа, и она знала, что эта комната закрыта. Никто не мог туда войти. Кроме него самого. Но он не входил. Он не был там с того дня, как похоронил жену.

В голове Эдмунда пронеслась мысль — быстрая, как искра, и такая же обжигающая. Что, если он входил? Что, если он забыл? В последнее время с ним случались странные вещи. Он находил вещи на несвойственных им местах. Он не помнил, как совершал некоторые действия.

Однажды он обнаружил, что его ботинки перепачканы грязью, хотя весь день провел в лечебнице. Другой раз он нашел в кармане пальто чек из паба, в котором никогда не бывал. Он списывал это на усталость, на рассеянность, на возраст. Но сейчас, глядя на свет в запертой комнате, он почувствовал, как под этими объяснениями что-то дрогнуло, пошатнулось, дало трещину.

Он пересек зал быстрым шагом, почти бегом, и вышел в коридор, ведущий в левое крыло. Здесь было темно — газовые рожки не горели, и Эдмунду пришлось идти на ощупь, ведя рукой по холодной стене. Коридор был длинным и уз-

ким, с низким потолком и рядом закрытых дверей по обе стороны. Эдмунд миновал их, не останавливаясь, пока не дошел до последней двери в конце коридора. Она была заперта. Он проверил — замок на месте, ключ торчит в скважине, как он его и оставил год назад. Эдмунд повернул ключ, и замок открылся с тихим щелчком. Он толкнул дверь.

Комната была освещена. Газовый рожок на стене горел ровным желтым пламенем, и в его свете Эдмунд увидел все то, что надеялся никогда больше не видеть. Кровать с балдахином, покрытая пылью, но не тронутая тленом. Туалетный столик с флаконами духов, которые давно выдохлись, оставив после себя лишь слабый, почти неуловимый запах лаванды и розы. Кресло у окна, в котором Элеонора любила сидеть по вечерам, читая или вышивая. Книга на кресле, открытая на середине, как будто она только что встала и вышла. Эдмунд почувствовал, как у него перехватило дыхание. Комната выглядела так, как выглядела год назад. Ни пыли, ни паутины, ни запустения. Как будто время здесь остановилось. Как будто кто-то заботился об этой комнате. Как будто кто-то жил здесь.

Он подошел к туалетному столику. Флаконы духов стояли в идеальном порядке, крышечки были завинчены, стекло протерто. Рядом лежала щетка для волос с серебряной ручкой, на которой были видны несколько светлых волосков. Эдмунд взял щетку в руки. Волоски были мягкими, шелковистыми. Они пахли лавандой. Он поднес щетку к лицу, за-

крыл глаза, и на мгновение ему показалось, что Элеонора стоит рядом, что он слышит ее дыхание, чувствует тепло ее тела. Он открыл глаза. В комнате никого не было. Только он, щетка в руке и запах лаванды, который, возможно, ему только чудился.

Он положил щетку на место и подошел к креслу. Книга была открыта на середине. Эдмунд взглянул на корешок — это был сборник стихов какого-то второсортного поэта, которого Элеонора любила за сентиментальность и простоту. Он перевернул страницу. На полях были заметки, сделанные ее почерком — мелким, аккуратным, с характерным наклоном вправо. Эдмунд провел пальцем по строчкам. Чернила были свежими. Они не успели выцвести. Они блестели, как будто были написаны вчера.

Внутри него что-то оборвалось. Он резко захлопнул книгу и отбросил ее на кресло. Свежие чернила. В комнате, которую он запер год назад. В комнате, куда никто не мог войти. Кроме него. Он снова посмотрел на свои руки — чистые, без следов чернил. Он посмотрел на свои ботинки — сухие, без грязи. Он не был здесь. Он не писал эти заметки. Он не зажигал этот газ. Но кто тогда?

Эдмунд вышел из комнаты, закрыл дверь и запер ее на ключ. Руки у него дрожали. Он вернулся в центральный зал, подошел к камину и сел в кресло, уставившись на огонь. Пламя плясало, извивалось, отбрасывало тени на стены. Эдмунд смотрел на эти тени и думал. Он думал о том, что с ним про-

исходит. О провалах в памяти, о странных находках, о свете в запертой комнате. Он думал о том, что, возможно, сходит с ума. Он был врачом. Он знал симптомы. Он знал, как начинается безумие. Сначала — мелкие несостыковки. Потом — провалы. Потом — голоса. Потом — потеря контроля. Он знал, что это может случиться с каждым. Он знал, что это может случиться с ним. Но он не хотел в это верить.

Раздался стук в дверь. Эдмунд вздрогнул. Стук был тихим, но в тишине дома он прозвучал как выстрел. Эдмунд встал, подошел к двери и открыл ее. На пороге стояла миссис Харт — женщина лет пятидесяти, с усталым лицом и добрыми глазами. Она была в шляпке и пальто, и в руках держала корзину с продуктами.

— Добрый вечер, доктор Торн, — сказала она. — Я принесла вам ужин. Вы, наверное, голодны.

Эдмунд посмотрел на нее, потом на корзину, потом снова на нее. Миссис Харт приходила к нему два раза в неделю — готовила, убирала, стирала. Она была единственным человеком, которому он доверял в этом доме. И сейчас, глядя на ее доброе лицо, он вдруг почувствовал непреодолимое желание спросить ее о том, что его мучило.

— Миссис Харт, — сказал он, — вы не заходили сегодня в левое крыло?

Миссис Харт удивленно подняла брови.

— В левое крыло? Нет, сэр. Вы же знаете, я туда не хожу. Вы сами мне запретили. После похорон миссис Торн.

— Да, я помню, — сказал Эдмунд. — Я просто хотел убедиться. Дело в том, что я видел свет в окне левого крыла. В комнате Элеоноры.

Миссис Харт посмотрела на него с тревогой.

— Свет? Но там же никого нет, сэр. Вы же сами заперли эту комнату. Кто мог туда войти?

— Вот и я думаю, — сказал Эдмунд. — Кто мог туда войти?

Миссис Харт помолчала, потом сказала:

— Может быть, вам показалось, сэр? В такую погоду, в тумане, легко обмануться. Глаза устают, и начинаешь видеть то, чего нет.

— Может быть, — сказал Эдмунд. — Может быть, показалось.

Он взял у нее корзину и поблагодарил. Миссис Харт ушла, бросив на него еще один тревожный взгляд. Эдмунд закрыл дверь и вернулся в зал. Он поставил корзину на стол, но есть ему расхотелось. Он снова сел в кресло и уставился на огонь. В голове у него было пусто и гулко, как в этом доме. Он сидел так долго, очень долго. Огонь постепенно угасал, угли покрывались пеплом, тени на стенах становились все длиннее и темнее. Эдмунд не замечал этого. Он смотрел внутрь себя, пытаясь найти ответ на вопрос, который мучил его с того момента, как он увидел свет в окне. Кто зажег газ? Кто написал заметки на полях? Кто был в комнате?

Ответа не было. Была только усталость. Глубокая, как ко-

лодец, усталость, которая навалилась на него всей тяжестью и потянула вниз, в темноту. Эдмунд закрыл глаза. Он не спал. Он просто сидел с закрытыми глазами, слушая, как в доме потрескивает остывающий камин, как ветер завывает в дымоходе, как где-то наверху, в пустых комнатах, скрипят половицы. Дом жил своей жизнью. Он дышал. Он наблюдал.

Эдмунд открыл глаза. Огонь в камине почти погас. В зале стало холодно. Он встал, чтобы подбросить дров, и в этот момент услышал звук. Тихий, едва различимый, но отчетливый. Он шел сверху, из левого крыла. Это был женский плач. Тихий, приглушенный, как будто плакали в подушку, чтобы никто не услышал. Но Эдмунд услышал. Он замер, прислушиваясь. Плач не прекращался. Он становился громче, отчетливее, настойчивее. Он звал его. Эдмунд узнал этот голос. Это был голос Элеоноры.

Он бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Коридор левого крыла был темен, но теперь в конце его, у двери в комнату Элеоноры, горел слабый свет. Эдмунд подбежал к двери. Она была открыта. Он толкнул ее и вошел.

Комната была пуста. Газовый рожок горел, отбрасывая желтый свет на кровать, на туалетный столик, на кресло. Плач прекратился. Эдмунд стоял в дверях, тяжело дыша, и смотрел на пустую комнату. Никого. Только он и тишина. Он подошел к кровати. Покрывало было смято, как будто на нем только что лежали. Подушка хранила вмятину от головы. Эдмунд протянул руку и коснулся подушки. Она была

теплой. Как будто на ней только что лежал человек. Живой человек.

Он резко обернулся. В зеркале на туалетном столике он увидел свое отражение. Бледное лицо, темные круги под глазами, растрепанные волосы. Он смотрел на себя и не узнавал. Это был он, но в то же время не он. Что-то в этом отражении было неправильным. Что-то в глазах. Они смотрели на него с выражением, которого он никогда у себя не видел. Это было выражение превосходства. Уголки губ отражения были чуть приподняты, как будто оно улыбалось. Эдмунд не улыбался. Он никогда не улыбался в зеркале. Но отражение улыбалось. Оно смотрело на него и улыбалось.

Эдмунд отшатнулся от зеркала. Сердце у него колотилось, как птица в клетке. Он выбежал из комнаты, хлопнув дверью, и бросился вниз по лестнице. В зале он остановился, пытаясь отдышаться. В голове у него шумело. Он не знал, что делать. Он не знал, кому верить. Он не знал, что реально, а что нет. Он подошел к столу, налил себе бренди из графина и выпил залпом. Жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Он налил еще и выпил снова. Потом сел в кресло и закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, было уже утро. Серый свет пробивался сквозь шторы, наполняя зал тусклым, неверным сиянием. Эдмунд сидел в кресле, все еще одетый, с пустым стаканом в руке. Голова у него болела. Во рту был вкус бренди и горечи. Он встал, размял затекшие руки и пошел умы-

ваться. В ванной он посмотрел на себя в зеркало. Обычное лицо. Усталое, но обычное. Никакой улыбки. Никакого превосходства. Просто он. Эдмунд умылся холодной водой, побрился, оделся. Он решил, что вчерашнее — это кошмар, вызванный усталостью и бренди. Свет в окне, плач, улыбка в зеркале — все это ему показалось. Он был врачом. Он знал, как работает воображение. Он знал, как усталость и стресс могут играть с восприятием. Он убедил себя, что это было нереально. Он почти поверил в это.

Он спустился вниз, выпил чаю, съел кусок хлеба с сыром. Потом взял трость и вышел из дома. Туман снова окутал улицу, но теперь он казался Эдмунду почти уютным. Привычным. Нормальным. Он шел в лечебницу, и с каждым шагом уверенность в том, что все в порядке, крепла в нем. Он здоров. Он нормален. Он просто устал. Ему нужен отдых. Отпуск. Может быть, поездка на море. Он думал об этом, шагая по улице Крипплгейт, и почти улыбался. Почти.

В лечебнице его ждал доктор Лоуренс — коллега и приятель, с которым они вместе учились в Эдинбурге. Лоуренс был полноватым, добродушным мужчиной с рыжими усами и громким смехом. Он встретил Эдмунда в коридоре и хлопнул его по плечу.

— Торн! Рад тебя видеть. Как дела? Как дом?

— Все в порядке, — сказал Эдмунд. — Дом как дом. Стоит.

— Стоит, — усмехнулся Лоуренс. — Это хорошо. А то

я слышал, ты в последнее время сам не свой. Говорят, ты стал... странным.

Эдмунд напрягся.

— Кто говорит?

— Да так, — махнул рукой Лоуренс. — Люди болтают. Ты же знаешь, как это бывает. Врач, который лечит безумцев, сам начинает вести себя странно. Людям это кажется забавным. Или пугающим.

— И что именно говорят? — спросил Эдмунд, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Да разное, — сказал Лоуренс. — Что ты стал забывчивым. Что ты иногда не узнаешь людей. Что ты... — он замаялся. — Что ты иногда говоришь вещи, которые тебе не свойственны. Жесткие вещи. Циничные.

Эдмунд почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

— Я не замечал за собой ничего подобного, — сказал он.

— Может, и нет, — согласился Лоуренс. — Может, это просто сплетни. Но ты бы присмотрелся к себе, Торн. Ты выглядишь усталым. Измотанным. Тебе нужен отдых.

— Я знаю, — сказал Эдмунд. — Я думаю об отпуске.

— Вот и правильно, — сказал Лоуренс. — А теперь пойдем. У нас сегодня новые пациенты. Один случай — просто загляденье. Молодой человек, утверждает, что в него вселился дьявол. Говорит, что дьявол заставляет его делать вещи, которые он не хочет делать. Классика, но интересно. Пойдем,

посмотришь.

Эдмунд кивнул и последовал за Лоуренсом. Он шел по коридору лечебницы, мимо палат с зарешеченными окнами, мимо санитаров в белых халатах, мимо пациентов, которые смотрели на него пустыми глазами. Он шел и думал о том, что сказал Лоуренс. Станный. Забывчивый. Говорит вещи, которые ему не свойственны. Все это было так знакомо. Так похоже на симптомы. Он знал эти симптомы. Он видел их сотни раз у своих пациентов. И теперь он видел их у себя.

Он остановился. Лоуренс ушел вперед, не заметив этого. Эдмунд стоял в коридоре, глядя на зарешеченное окно, за которым клубился туман. В стекле он видел свое отражение — бледное, напряженное, чужое.

Отражение улыбнулось. Эдмунд не улыбался.

Он отвернулся от окна и пошел дальше по коридору, к палате нового пациента. Но в голове у него звучал вопрос, который он не мог заглушить. Кто ты? Кто живет в моем доме? Кто живет во мне?

Ответа не было. Был только туман за окном, тишина в коридоре и два сердцебиения. Одно — его. Другое — чужое.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Человек, которого не было.

Утро в Морхоллоу всегда начиналось одинаково. Гудки фабрик, протяжные и низкие, как стоны раненых живот-

ных, поднимались из низины и плыли над городом, пробиваясь сквозь туман, сквозь закрытые окна, сквозь сон. Эдмунд проснулся от этого звука, как просыпался каждый день последние двенадцать лет.

Он лежал в постели, глядя в потолок, на трещину в лепнине, которая шла от угла к центру, разветвляясь, как молния. Он знал эту трещину наизусть. Он мог бы нарисовать ее по памяти. Он мог бы нарисовать по памяти всю комнату — каждую тень, каждую пылинку, каждое пятно на обоях. Он жил в этом доме всю свою жизнь, и дом знал его так же хорошо, как он знал дом. Может быть, даже лучше.

Эдмунд встал, умылся, оделся. Движения были отработанными, механическими — он не думал о том, что делает. Руки сами застегивали пуговицы, сами завязывали шнурки, сами поправляли воротник. Голова была занята другим. Вчерашний вечер — свет в окне, плач, улыбка в зеркале — не шел у него из ума. Он пытался убедить себя, что это был сон, кошмар, вызванный усталостью и бренди. Но он знал, что не спал. Он сидел в кресле, пил бренди и смотрел на огонь. А потом он был в комнате Элеоноры. Он помнил запах лаванды, помнил тепло подушки, помнил улыбку отражения. Это было реально. Или ему казалось, что реально. В этом и была проблема — он больше не мог отличить одно от другого.

За завтраком — чай, тост, яйцо всмятку — он сидел в столовой и смотрел в окно. Туман сегодня был жидким, почти прозрачным, и сквозь него угадывались очертания горо-

да — крыши домов, фабричные трубы, шпиль собора Святого Мученика.

Эдмунд смотрел на этот пейзаж и думал о том, что сказал Лоуренс. Станный. Забывчивый. Говорит вещи, которые ему не свойственны. Он пытался вспомнить, когда это началось. Когда он впервые заметил, что с ним что-то не так. Может быть, месяц назад? Два? Он не мог сказать точно.

Провалы были незаметными, как трещины в стене — сначала тонкие, почти невидимые, они расширялись медленно, постепенно, пока не становились зияющими дырами. И тогда он начал замечать. Но что он замечал? Что он забывал? Он не помнил, что забыл. Это было самое страшное — не помнить, что именно ты забыл.

Он допил чай, взял трость и вышел из дома. Миссис Харт должна была прийти днем — приготовить обед, убрать, постирать. Эдмунд оставил ей записку на столе:

«Не входите в левое крыло. Дверь заперта. Ключ у меня».

Он не знал, зачем написал это. Может быть для того, чтобы убедить себя, что контролирует ситуацию, чтобы кто-то другой знал, что дверь заперта, чтобы, если что-то случится, остался след. Он сам не понимал своих мотивов. Он вообще перестал понимать себя в последнее время.

Улица Крипплгейт вела вниз, к центру города. Эдмунд шел медленно, опираясь на трость, вдыхая влажный воздух. Туман оседал на его пальто мелкими каплями, на шляпе, на лице. Он не вытирал их. Ему нравилось это ощущение —

холодная влага на коже, как прикосновение чего-то живого, чего-то, что существовало независимо от него.

Он шел мимо витрин магазинов, мимо лотков уличных торговцев, мимо детей, играющих в классики на мокрых булыжниках. Люди сновали вокруг, занятые своими делами, своими мыслями, своими жизнями. Эдмунд смотрел на них и чувствовал себя отделенным от них стеклянной стеной. Он был среди них, но не с ними. Он был один.

В лечебнице его ждал поток пациентов. Утренний прием — амбулаторные больные, в основном неврозы, истерии, легкие формы меланхолии. Эдмунд выслушивал их, задавал вопросы, делал пометки. Он работал на автопилоте, как всегда. Слова лились из него гладко, профессионально, без запинок. Он знал, что сказать, чтобы успокоить, чтобы обнадежить, чтобы направить. Он делал это сотни раз. Тысячи. Это было легко. Это было привычно. Это было единственное, что осталось от него прежнего.

После утреннего приема была консультация в женском отделении. Эдмунд шел по коридору, мимо палат, мимо санитарок, мимо пациенток, которые смотрели на него сквозь прутья решеток. Он не смотрел на них. Он смотрел прямо перед собой, на дверь в конце коридора. Он почти дошел до нее, когда его окликнули.

— Доктор Торн!

Эдмунд обернулся. К нему подходила старшая медсестра, миссис Гривз — женщина с суровым лицом и пронзитель-

ным взглядом. Она работала в лечебнице дольше, чем Эдмунд, и знала всех пациентов, всех врачей, все истории, все сплетни. Она была ходячей энциклопедией Святого Варфоломея.

— Доброе утро, миссис Гривз, — сказал Эдмунд. — Что-то случилось?

— Ничего особенного, сэр, — сказала миссис Гривз. — Просто хотела спросить, как вы себя чувствуете. Вы сегодня выглядите... неважно.

— Я в порядке, — сказал Эдмунд. — Немного не выспался. Только и всего.

Миссис Гривз посмотрела на него внимательно. Слишком внимательно, как показалось Эдмунду.

— Вы уверены, сэр? — спросила она. — Просто вчера вы были... другим.

Эдмунд напрягся.

— Другим? Что вы имеете в виду?

— Ну, — миссис Гривз замялась, подбирая слова. — Вчера вы приходили в женское отделение после обеда. Вы были... резким. Грубым. Вы накричали на пациентку. Мисс Уилкинс. Ту, что из рабочего дома. Вы сказали ей, что если она не прекратит свои фантазии, то вы лично проследите, чтобы ее отправили в Бедлам. Она плакала весь вечер.

Эдмунд почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Я не приходил вчера в женское отделение после обеда, — сказал он медленно. — Я ушел домой в четыре часа. Я

был дома весь вечер.

Миссис Гривз нахмурилась.

— Но, сэр, я видела вас. Вы были здесь. Вы разговаривали с доктором Лоуренсом. Вы пили чай в ординаторской. Я сама вам его наливала.

— Вы ошибаетесь, — сказал Эдмунд. — Это был не я.

Миссис Гривз посмотрела на него с тревогой.

— Сэр, я работаю здесь двадцать лет. Я знаю вас двенадцать. Я не могла ошибиться. Это были вы. Я узнала бы вас из тысячи.

Эдмунд молчал. В голове у него было пусто и гулко. Миссис Гривз видела его. Она наливала ему чай. Она слышала, как он кричал на пациентку. Но его здесь не было. Он был дома. Он смотрел на свет в окне левого крыла. Он поднимался по лестнице. Он слышал плач. Он видел улыбку в зеркале. Он был дома. Он точно был дома. Или не был? Он уже не мог быть уверен ни в чем.

— Простите, миссис Гривз, — сказал он. — Я, должно быть, забыл. В последнее время у меня много дел. Я переутомился.

— Вам нужно отдохнуть, сэр, — сказала миссис Гривз. — Правда. Вы себя изводите. С тех пор как умерла миссис Торн, вы сами не свой.

Эдмунд кивнул и пошел дальше по коридору. Он не помнил, как дошел до женского отделения. Он не помнил, как провел консультацию. Он не помнил, что говорил пациент-

кам. Он помнил только слова миссис Гривз:

«Это были вы. Я узнала бы вас из тысячи».

И еще он помнил, что не был здесь. Или был? Он не знал. Он больше ничего не знал.

После обеда он сидел в ординаторской, пытаясь собраться с мыслями. Лоуренс сидел напротив, читал газету и пил чай. Эдмунд смотрел на него и думал о том, как задать вопрос, который его мучил. Он не хотел выглядеть сумасшедшим. Он не хотел, чтобы Лоуренс думал, что он сходит с ума. Но он должен был знать. Он должен был понять, что происходит.

— Лоуренс, — сказал он. — Ты помнишь, как мы вчера пили чай?

Лоуренс оторвался от газеты.

— Вчера? Да, конечно. Мы сидели здесь, в этой самой комнате. Ты был какой-то странный, кстати. Молчаливый. Говорил мало. Я думал, ты устал.

— А что я говорил? — спросил Эдмунд. — Ты помнишь, о чем мы говорили?

Лоуренс задумался.

— Ну, о работе. О пациентах. О твоём доме. Ты сказал, что дом слишком большой для одного человека. Что тебе нужно продать его и переехать в квартиру. Я ещё удивился — ты всегда любил этот дом. Ты никогда не говорил о том, чтобы его продать.

Эдмунд почувствовал, как холодок пробежал у него по

спине. Он не говорил этого. Он никогда не думал о том, чтобы продать Мэнор. Это был дом его отца, его деда, его прадеда. Это была его кровь, его история, его проклятие. Он не мог его продать. Он не хотел его продавать. Но Лоуренс был уверен, что он это сказал. Миссис Гривз была уверена, что видела его. Значит, он был здесь. Значит, он говорил эти вещи. Значит, он кричал на пациентку. Значит, он делал что-то, чего не помнит. Значит, с ним что-то происходит. Что-то, что он не может контролировать.

— Ты уверен? — спросил Эдмунд, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты уверен, что это был я?

Лоуренс посмотрел на него с недоумением.

— Конечно, уверен. Кто же еще? Ты сидел вон в том кресле. Ты пил чай из вон той чашки. Ты говорил своим голосом. Это был ты, Торн. Кто же еще?

Эдмунд не ответил. Он встал и вышел из ординаторской. Он шел по коридору, не видя ничего перед собой. Стены, двери, окна — все сливалось в одно серое пятно. В голове у него звучал голос Лоуренса:

«Это был ты, Торн. Кто же еще?»

Но это был не он. Он знал, что это был не он. И в то же время он знал, что это был он. Он не понимал, как это может быть. Он не понимал, что происходит. Он не понимал, кто он.

Он вышел на улицу. Туман снова сгустился, стал плотным, тяжелым, как мокрое одеяло. Эдмунд шел по улице, не

разбирая дороги. Он не знал, куда идет. Он просто шел, потому что не мог стоять на месте. Ноги сами несли его куда-то. Он миновал центр города, миновал доки, миновал фабрики. Он шел в низину, туда, где туман был гуще всего, где воздух был пропитан запахом угля и сырости, где жили самые бедные, самые отчаявшиеся люди Морхоллоу.

Он остановился у паба. «Пьяный Грифон» — гласила вывеска. Эдмунд посмотрел на нее и вспомнил. Чек из паба. Чек, который он нашел в кармане пальто. Чек, которого не должно было быть. Он проверил карман — чека не было. Он выбросил его, сжег, не помнил. Но он помнил название. «Пьяный Грифон». Он никогда здесь не был. Или был?

Он толкнул дверь и вошел внутрь. Паб был полон — рабочие, грузчики, матросы. Пахло пивом, табаком, потом. Эдмунд прошел к стойке и сел на табурет. Бармен — толстый мужчина с обвисшими щеками и красным носом — подошел к нему.

— Чего желаете, сэр?

— Бренди, — сказал Эдмунд. — Двойной.

Бармен кивнул и налил. Эдмунд выпил залпом. Жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Он сидел и смотрел на стойку, на которой были выцарапаны сотни имен, дат, слов. Он читал их, не понимая, зачем. Просто смотрел. Просто читал. Просто ждал.

— Вы вернулись, — сказал бармен.

Эдмунд поднял голову.

— Что?

— Вы вернулись, — повторил бармен. — Вчера вы были здесь. Пили бренди. Много бренди. Я вас запомнил. Вы были... не в себе.

Эдмунд почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

— Вчера? — переспросил он. — Я был здесь вчера?

— Ну да, — сказал бармен. — Часов в шесть, может, в семь. Вы сидели вон за тем столиком. Пили. Говорили сами с собой. Я хотел вас выгнать, но вы заплатили. Хорошо заплатили. Так что я вас оставил.

— Что я говорил? — спросил Эдмунд. — Вы слышали, что я говорил?

Бармен пожал плечами.

— Да разве упомнишь? Вы говорили много. О какой-то женщине. О доме. О том, что вас никто не понимает. О том, что вы устали притворяться. Я не слушал. У меня своих дел хватает.

— Я говорил о женщине? — переспросил Эдмунд. — О какой женщине?

— Не знаю, — сказал бармен. — Вы не называли имени. Просто говорили «она». «Она думает, что я не знаю». «Она думает, что может меня обмануть». «Но я знаю. Я всегда знаю». Что-то в этом роде.

Эдмунд сидел, не двигаясь. Он не помнил этого. Он не помнил, как приходил сюда. Он не помнил, как пил бренди. Он не помнил, как говорил о женщине. Но бармен помнил.

Бармен видел его. Бармен слышал его. Значит, он был здесь. Значит, он говорил эти слова. Значит, он — или кто-то в нем — знал что-то, чего не знал он сам.

Он встал, бросил на стойку монету и вышел. Туман снова окутал его, но теперь он был почти не виден. Эдмунд шел по улице, не разбирая дороги. Он не знал, куда идет. Он не знал, что делает. Он не знал, кто он. Он знал только одно: он не один. В нем был кто-то еще. Кто-то, кто говорил, ходил,пил, кричал на пациенток, говорил о женщине, смеялся в зеркале. Кто-то, кто жил в нем и действовал через него. Кто-то, кто выходил наружу, когда он не видел. Кто-то, кто был вторым сердцем.

Он остановился. Он стоял на набережной, глядя на воду. Река Морхоллоу — грязная, темная, с медленным течением — несла свои воды куда-то вдаль, к морю, к свободе, которой Эдмунд не знал. Он смотрел на воду и думал о том, что, может быть, ему стоит прыгнуть. Может быть, это прекратит все.

Он боялся. И не только смерти. Он боялся того, что тот, другой, выживет. Что он останется. Что он будет жить в теле Эдмунда, когда самого Эдмунда уже не будет. Эта мысль была страшнее смерти.

Он повернулся и пошел домой. Дом ждал его. Дом дышал. Дом смотрел на него двумя окнами, как двумя глазами. Эдмунд поднялся по ступеням, открыл дверь и вошел. В холле было темно. Он зажег газ и пошел в зал. В зале его ждал

сюрприз. На столе лежало письмо. Конверт был запечатан, но адресован ему. Эдмунд взял его, сломал печать и развернул лист. Почерк был его. Он узнал бы его из тысячи. Но он не писал этого письма.

«Ты знаешь, что она заслужила это. Ты знаешь, что это правда. Ты просто боишься признаться. Но я знаю. Я всегда знаю. И скоро ты узнаешь тоже. Скоро ты все вспомнишь. Я позабочусь об этом».

Эдмунд скомкал письмо и бросил его в камин. Бумага вспыхнула, почернела, рассыпалась в пепел. Он смотрел на огонь и чувствовал, как что-то внутри него дрожит, как что-то рвется наружу. Он не знал, что это. Он не хотел знать. Но он знал, что это только начало. Он знал, что худшее впереди. Он знал, что второй уже проснулся. И он не собирался уходить.

Ночью он снова слышал плач. Он не пошел наверх. Он сидел в кресле и слушал. Плач становился громче, отчаяннее, злее. Потом он прекратился. И тогда Эдмунд слышал смех. Тихий, довольный, торжествующий. Смех шел изнутри. Из его собственной головы. Из его собственного горла. Он смеялся. Но это был не он. Это был второй. И он смеялся над ним.

Эдмунд закрыл глаза и стал ждать утра. Он знал, что утро не принесет облегчения. Он знал, что теперь так будет всегда. Он знал, что он не один. Он знал, что он — это уже не он. И где-то в глубине его сознания, в темном углу, куда он бо-

ялся заглядывать, кто-то улыбался. Кто-то ждал. Кто-то готовился выйти наружу. И этот кто-то был им. И этот кто-то был не им.

Дом дышал. Два сердца бились.

Одно — его. Другое — чужое.

И они бились в унисон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Шепот в стенах.

Прошло три дня. Три дня Эдмунд прожил в странном оцепенении, как будто шел по тонкому льду, который в любой момент мог треснуть под ногами. Он работал, ел, спал — но делал все это как автомат, не вкладывая в движения ни мысли, ни чувства. Он боялся. Боялся не чего-то конкретного, а всего сразу: собственных рук, которые могли сделать то, чего он не хотел; собственного голоса, который мог сказать то, чего он не думал; собственного отражения, которое могло улыбнуться ему, когда он не улыбался. Он боялся засыпать, потому что не знал, что будет делать, когда проснется. Он боялся просыпаться, потому что не знал, что делал, пока спал.

Письмо, сожженное в камине, не шло у него из головы.

«Ты знаешь, что она заслужила это».

Что она заслужила? Элеонора? Что она могла заслужить? Она была доброй, кроткой, любящей. Она никогда никому не

делала зла. Она умерла от болезни — так сказал врач. Воспаление легких, осложнение после простуды. Эдмунд был рядом, когда она умирала. Он держал ее за руку. Он слышал ее последний вздох. Он похоронил ее. Он не убивал ее. Он не мог ее убить. Он любил ее. Любил больше жизни. И все же письмо говорило:

«Ты знаешь, что она заслужила это».

Что это значило? Что она заслужила смерть? Или что-то другое? Что-то, о чем Эдмунд не хотел думать?

Он пытался вспомнить последние дни Элеоноры. Болезнь, жар, бред. Она говорила странные вещи. Она смотрела на него с ужасом. Она просила его уйти. Она говорила:

«Ты не он. Ты не мой муж. Кто ты?»

Эдмунд тогда решил, что это бред, горячка, помутнение рассудка. Он успокаивал ее, давал ей лекарства, сидел у постели. Но она не успокаивалась. Она кричала. Она отталкивала его. Она говорила:

«Ты убил его. Ты занял его место. Верни мне моего мужа».

Он не понимал, о чем она. Он думал, что она бредит. Теперь он не был так уверен. Теперь он думал: а что, если она видела что-то, чего не видел он? Что, если она знала что-то, чего не знал он? Что, если она видела второго?

Он сидел в ординаторской лечебницы, глядя в окно на серое небо, когда дверь открылась и вошел доктор Лоуренс. Вид у него был озабоченный. Он подошел к Эдмунду и сел напротив.

— Торн, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Эдмунд напрягся.

— О чем?

— О тебе, — сказал Лоуренс. — О том, что с тобой происходит. Я не слепой. Я вижу, что ты не в себе. Я вижу, что ты мучаешься. Я твой друг. Я хочу помочь.

— Со мной все в порядке, — сказал Эдмунд автоматически. — Я просто устал.

— Не ври мне, — сказал Лоуренс. — Я знаю тебя двенадцать лет. Я знаю, когда ты врешь. Ты не просто устал. Ты напуган. Ты что-то скрываешь. Что-то серьезное.

Эдмунд молчал. Он смотрел на Лоуренса и думал: рассказать ему? Рассказать о провалах, о свете в окне, о письме, о смехе? Он представил, как это будет звучать.

«Лоуренс, я слышу плач в пустой комнате. Я вижу, как мое отражение улыбается мне. Я нахожу письма, которые не писал. Я, кажется, схожу с ума».

Лоуренс выслушает, покивает, а потом отправит его в палату для душевнобольных. Он сам делал это с другими. Он знал, как это работает. Он не мог рисковать.

— Я не могу рассказать, — сказал он наконец. — Не сейчас. Может быть, позже.

Лоуренс посмотрел на него долгим взглядом.

— Хорошо, — сказал он. — Но обещай мне одну вещь. Если тебе станет хуже, если ты почувствуешь, что теряешь контроль, — приходи ко мне. Не оставайся один. Не делай

глупостей.

— Обещаю, — сказал Эдмунд. Он не собирался сдерживать обещание. Он вообще не был уверен, что сможет его сдержать. Он не был уверен, что сможет контролировать себя достаточно долго, чтобы прийти к Лоуренсу. Он не был уверен ни в чем.

Вечером он вернулся домой. Миссис Харт уже ушла, оставив на столе ужин — холодное мясо, хлеб, сыр. Эдмунд не стал есть. Он прошел в зал, сел в кресло и зажег лампу. Он решил не спать. Решил бодрствовать. Если он не спит, второй не сможет выйти. Если он не спит, он сможет контролировать себя. Это была наивная, детская мысль, но он за нее держался, как за соломинку.

Он просидел всю ночь. Читал, ходил по комнате, пил крепкий чай. К утру он вымотался так, что едва стоял на ногах. Но он был собой. Он не провалился. Он не потерял контроль. Это была победа. Маленькая, но победа. Он пошел в лечебницу, отработал день, вернулся домой. И снова не спал. И снова победил. Он повторял это три ночи подряд. На четвертую он не выдержал. Он заснул в кресле, прямо в одежде, с книгой на коленях.

Он проснулся от холода. Лампа погасла, в комнате было темно. Он посмотрел на часы — половина третьего ночи. Он проспал три часа. Три часа, которых он не помнил. Он встал, разминая затекшую шею. В доме было тихо. Слишком тихо. Он прошел в холл, зажег газ. В зеркале на стене он увидел

свое отражение. Обычное лицо. Усталое, бледное, но обычное. Он смотрел на себя и ждал, что отражение улыбнется. Оно не улыбалось. Может быть, все прошло? Может быть, второй ушел? Может быть, это был просто кошмар, который закончился?

Он пошел в зал, чтобы налить себе воды. И остановился на пороге. В зале горел камин. Его не было в комнате, когда он засыпал. Он не зажигал камин. Но он горел — ярко, жарко, с веселым потрескиванием. И перед камином, в кресле, сидел человек. Он сидел спиной к Эдмунду, но Эдмунд узнал бы эту спину из тысячи. Это была его спина. Это было его пальто. Это были его волосы. Это был он.

Эдмунд стоял, не в силах двинуться. Человек в кресле не оборачивался. Он сидел неподвижно, глядя на огонь. Эдмунд слышал, как тот что-то говорит — тихо, вполголоса, как будто сам с собой. Он не мог разобрать слов. Он сделал шаг вперед. Потом еще один. Половица скрипнула под его ногой. Человек в кресле замолчал. Медленно, очень медленно, он начал поворачивать голову.

Эдмунд хотел закричать, но голос застрял у него в горле. Он хотел убежать, но ноги не слушались. Он стоял и смотрел, как человек поворачивается к нему. Лицо. Он увидел лицо. Это было его лицо. Но не совсем. Что-то в нем было другое. Что-то в глазах. Что-то в улыбке. Человек улыбался. Он смотрел на Эдмунда и улыбался — широко, довольно, торжествующе.

— Наконец-то, — сказал человек. — Я думал, ты никогда не проснешься.

Эдмунд открыл рот, но не смог произнести ни звука. Человек встал. Он был одного роста с Эдмундом. У него были те же руки, те же плечи, то же пальто. Но он двигался иначе — свободнее, увереннее, как хозяин, а не как гость. Он подошел к Эдмунду вплотную. Эдмунд чувствовал его запах — запах табака, бренди и чего-то еще, чего-то металлического, как кровь.

— Кто ты? — прошептал Эдмунд.

Человек улыбнулся еще шире.

— Я — это ты, — сказал он. — А ты — это я. Мы — одно и то же. Просто ты забыл. Ты всегда забываешь. Это твоя проблема. Ты забываешь то, что не хочешь помнить. А я помню. Я помню все.

— Ты не я, — сказал Эдмунд. — Ты что-то другое. Ты — болезнь. Ты — опухоль в моей голове. Я тебя уничтожу.

— Уничтожишь? — Человек рассмеялся. — Как ты меня уничтожишь? Я — часть тебя. Я — твоя тень. Ты не можешь уничтожить свою тень, не уничтожив себя. А ты не хочешь умирать. Ты боишься смерти. Ты всегда боялся. Поэтому ты и создал меня. Чтобы я делал то, на что ты не решаешься. Чтобы я говорил то, что ты не смеешь сказать. Чтобы я жил так, как ты не можешь жить.

— Я не создавал тебя, — сказал Эдмунд. — Ты — болезнь. Ты — безумие.

— Называй как хочешь, — сказал человек. — От этого ничего не изменится. Я здесь. Я был здесь всегда. Я буду здесь, когда тебя не станет. Я — то, что останется. Я — настоящее. А ты — просто маска. Маска, которую ты носишь так долго, что забыл, кто под ней.

Эдмунд отшатнулся. Он ударился спиной о стену. Человек не двинулся с места. Он стоял и смотрел на Эдмунда с той же улыбкой — спокойной, уверенной, пугающей.

— Ты помнишь Элеонору? — спросил человек. — Ты помнишь, как она умирала? Ты помнишь, что она говорила?

— Она бредила, — сказал Эдмунд. — У нее был жар. Она не понимала, что говорит.

— Она понимала, — сказал человек. — Она видела меня. Она знала, что я есть. Она пыталась тебе сказать, но ты не слушал. Ты не хотел слушать. Ты всегда не хотел слушать то, что тебе не нравится.

— Что она говорила? — спросил Эдмунд. — Что она знала?

— Она знала, что я убил ее, — сказал человек. — Она знала, что я сделал это. Не ты. Я. Но ты тоже. Потому что мы — одно. Ты хотел, чтобы она умерла. Ты хотел этого. Я просто сделал то, что ты хотел.

Эдмунд замотал головой.

— Нет. Нет. Я не хотел. Я любил ее.

— Любил, — согласился человек. — Но она знала слишком много. Она видела меня. Она могла рассказать другим.

Ты не мог этого допустить. Ты не мог рисковать. Поэтому ты позволил мне сделать это. Ты закрыл глаза. Ты отвернулся. Ты сказал себе, что это болезнь, что это не ты. Но это был ты. Это был я. Это было одно и то же.

— Ты лжешь, — прошептал Эдмунд. — Ты лжешь.

— Я никогда не лгу, — сказал человек. — Я говорю правду. Это ты лжешь. Ты лжешь себе каждый день. Ты говоришь себе, что ты хороший, что ты добрый, что ты нормальный. Но ты не нормальный. Ты никогда не был нормальным. Ты просто прятался. Прятался за работой, за женой, за домом. Но теперь прятаться негде. Теперь я здесь. И я не уйду.

Он сделал шаг к Эдмунду. Эдмунд попытался отступить, но стена была за спиной. Человек протянул руку и коснулся его лица. Пальцы были холодными. Эдмунд почувствовал, как что-то внутри него сжимается, как будто его сердце сжали в кулак.

— Не бойся, — сказал человек. — Это не больно. Это даже приятно. Отпустить. Позволить мне взять контроль. Ты устал, Эдмунд. Ты так устал. Позволь мне позаботиться о тебе. Позволь мне делать то, что нужно. А ты просто отдохни. Закрой глаза. Все будет хорошо.

Эдмунд чувствовал, как его веки тяжелеют. Голос человека был мягким, убаюкивающим, как колыбельная. Он хотел закрыть глаза. Он хотел отдохнуть. Он так устал. Так бесконечно устал. Но где-то в глубине его сознания бился огонек — слабый, но живой. Огонек сопротивления. Он не мог

сдаться. Не мог позволить второму взять контроль. Он должен бороться. Должен.

— Нет, — сказал он. — Нет. Я не позволю.

Он рванулся в сторону, оттолкнул руку человека, бросился к двери. Он слышал, как человек смеется за его спиной — тихо, довольно. Он выбежал в холл, распахнул входную дверь и выскочил на улицу. Холодный ночной воздух ударил ему в лицо. Он побежал. Он не знал куда. Он просто бежал. Туман окутал его, как саван. Улица была пуста. Город спал. Эдмунд бежал по мокрым булыжникам, не разбирая дороги. Он бежал от дома. От человека. От себя.

Он остановился только тогда, когда силы совсем покинули его. Он упал на колени у какой-то ограды, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится в груди. Он посмотрел вокруг. Он не узнал места. Какая-то незнакомая улица, какие-то незнакомые дома. Туман скрывал все. Эдмунд сидел на коленях, дрожа от холода и страха. Он думал: что теперь? Куда идти? К кому? Он не мог вернуться домой. Там был второй. Там был тот, кто хотел занять его место. Он не мог пойти к Лоуренсу. Лоуренс отправит его в лечебницу. Он не мог пойти в полицию. Что он скажет? «Помогите, в моем доме живет человек, который выглядит как я?» Его поднимут на смех. Или, что хуже, отправят туда, куда он сам отправлял других.

Он остался один. Один в целом мире. Один с собой. И это было самое страшное — потому что он больше не был

уверен, что он — это он. Он больше не был уверен, что он один в своем теле. Он больше не был уверен ни в чем.

Он просидел на коленях до рассвета. Туман начал светлеть, становиться серым, потом розовым. Гудки фабрик возвестили начало нового дня. Эдмунд поднялся. Ноги были холодными, мокрыми, заочеченными. Он не чувствовал их. Он не чувствовал ничего. Он пошел по улице, не зная, куда идет. Ноги сами несли его. Он шел, пока не оказался у знакомой двери. Это была дверь лечебницы Святого Варфоломея. Он не помнил, как дошел сюда. Он не помнил, сколько времени прошло. Он толкнул дверь и вошел.

В коридоре его встретила миссис Гривз. Она посмотрела на него и ахнула.

— Доктор Торн! Что с вами? Вы выглядите ужасно!

Эдмунд посмотрел на нее. Он хотел сказать, что с ним все в порядке. Он хотел сказать, что просто не спал. Он хотел сказать что-то нормальное, обычное. Но вместо этого он сказал:

— Мне нужна помощь. Я схожу с ума.

Слова прозвучали в тишине коридора, как приговор. Миссис Гривз отшатнулась. Эдмунд увидел в ее глазах страх. Он увидел, как она отступает от него, как смотрит на него, как на пациента. Он понял, что только что сделал. Он признался. Он сказал вслух то, что боялся сказать даже себе. И теперь пути назад не было. Теперь все изменится. Теперь его ждет палата с зарешеченным окном. Теперь его ждет изоля-

ция. Теперь его ждет безумие.

Но, может быть, это было к лучшему. Может быть, там, в палате, он будет в безопасности. Может быть, там второй не сможет выйти. Может быть, там он сможет бороться. Может быть, там он найдет способ уничтожить второго. Или, может быть, там он найдет способ уничтожить себя.

Он стоял в коридоре лечебницы, окруженный запахом карболки и безумия, и смотрел, как миссис Гривз убегает за доктором Лоуренсом. Он знал, что она расскажет. Он знал, что Лоуренс придет. Он знал, что его отведут в палату. Он знал, что теперь он — пациент, а не врач. Он знал, что теперь все будет по-другому.

Но он не знал одного. Он не знал, что второй внутри него улыбается. Второй ждал этого. Второй хотел, чтобы Эдмунд признался. Потому что теперь, в палате, в изоляции, в тишине, второй будет говорить громче. Второй будет говорить чаще. Второй будет брать контроль. И в конце концов, второй победит.

Эдмунд не знал этого. Но он чувствовал. Он чувствовал, как что-то внутри него растет, набухает, рвется наружу. Он чувствовал, как второе сердце бьется все сильнее, все громче, заглушая его собственное. Он чувствовал, как он теряет себя. Он чувствовал, как он исчезает.

Он закрыл глаза и стал ждать.

Он ждал, когда придет Лоуренс. Он ждал, когда его отведут в палату. Он ждал, когда начнется настоящий кошмар.

Он ждал и слушал. Слушал, как в его голове звучит чужой голос. Голос, который говорил:

«Наконец-то. Наконец-то ты сдался. Теперь я здесь. Теперь я настоящий. Теперь ты — просто тень. Тень в доме с двумя сердцами».

И где-то в глубине сознания Эдмунд услышал, как второе сердце бьется в унисон с его собственным. Два сердца. Одно — его. Другое — чужое. И они бились вместе. И они бились вечно.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Друг семьи.

Эдмунда не отправили в палату. Лоуренс выслушал сбивчивый рассказ миссис Гривз, потом посмотрел на Эдмунда — бледного, дрожащего, с мокрыми от тумана волосами и пустым взглядом — и сделал то, чего Эдмунд не ожидал. Он не вызвал санитаров. Не приказал готовить изолятор. Он просто взял Эдмунда под руку и увёл в свой кабинет, закрыл дверь и усадил в кресло. Потом налил ему бренди — щедро, до краёв — и заставил выпить. Эдмунд выпил. Руки у него тряслись так, что стакан стучал о зубы.

Лоуренс сел напротив, сложил руки на коленях и долго молчал. Эдмунд смотрел в пол и ждал. Он ждал, что Лоуренс скажет:

«Торн, тебе нужен отдых. Торн, тебе нужна помощь. Торн,

я отправлю тебя в Хайгейт».

Хайгейт — это была частная лечебница для душевнобольных на севере города, куда отправляли тех, кто мог платить. Там были отдельные палаты, мягкие стены, вежливые санитары и полная изоляция от мира. Эдмунд знал это место. Он сам направлял туда пациентов. Он никогда не думал, что может оказаться там сам.

Но Лоуренс сказал другое.

— Ты не сходишь с ума, — сказал он тихо.

Эдмунд поднял голову.

— Что?

— Ты не сходишь с ума, — повторил Лоуренс. — Я видел сумасшедших. Я работаю с ними двенадцать лет. Ты не один из них. Ты напуган. Ты измотан. Ты не спал несколько ночей. Но ты не сумасшедший.

— Ты не понимаешь, — сказал Эдмунд. — Я видел его. Я разговаривал с ним. Он сидел в моём кресле. У него было моё лицо. Он говорил со мной. Он смеялся надо мной.

— Я понимаю, — сказал Лоуренс. — Понимаю больше, чем ты думаешь. Ты видел галлюцинацию. Это может случиться с каждым. При истощении, при стрессе, при потере близкого человека. Ты потерял жену год назад. Ты не дал себе времени на горе. Ты заперся в этом доме, в своей работе, в своей голове. И теперь твоя голова мстит тебе. Она создаёт образы. Она говорит с тобой. Это не безумие. Это — реакция на боль.

— Это не галлюцинация, — сказал Эдмунд. — Это реально. Он реален. Он оставляет следы. Он пишет письма. Он пьёт в пабах. Он кричит на моих пациенток.

— Ты сам пишешь эти письма, — сказал Лоуренс мягко. — Ты сам пьёшь в пабах. Ты сам кричишь на пациенток. Ты просто не помнишь этого. Потому что твой разум защищает тебя от того, что ты делаешь. Он отсекает эти куски от твоей памяти. Это называется диссоциация. Я читал о таких случаях. Это редко, но бывает. Человек делает что-то, чего не может принять, и его сознание просто выключается на время. Потом он не помнит ничего. А потом создаёт другую личность — того, кто «сделал это». Чтобы не быть виноватым. Чтобы не быть монстром.

Эдмунд слушал и чувствовал, как что-то внутри него сжимается. Диссоциация. Он знал этот термин. Он читал статьи. Он даже видел одного пациента с похожими симптомами — женщину, которая то становилась кроткой и тихой, то превращалась в агрессивную и грубую. Он тогда думал, что это истерия. Теперь он думал: а что, если это было что-то другое? Что, если это было то же самое, что происходит с ним? Что, если он не первый и не последний? Что, если это — проклятие?

— Что мне делать? — спросил он. — Как мне это остановить?

— Ты должен отдохнуть, — сказал Лоуренс. — По-настоящему отдохнуть. Не работать. Не сидеть в этом доме.

Уехать. На месяц. На два. Я дам тебе отпуск. Поезжай к морю. Или в деревню. Куда угодно, где нет Морхоллоу, где нет твоих пациентов, где нет твоих воспоминаний. И главное — не оставайся один. Найди кого-то, кто будет рядом. Друга. Родственника. Кого угодно. Одиночество — это твой враг. Оно кормит твою болезнь. Оно даёт ей силу.

— У меня нет никого, — сказал Эдмунд. — Элеонора умерла. Родители умерли. Друзей у меня нет. Только ты. И ты не можешь бросить работу и уехать со мной.

Лоуренс задумался.

— Есть один человек, — сказал он. — Ты его помнишь? Мистер Харви. Твой старый друг. Он живёт в Уитби. У него дом на берегу. Он приглашал тебя приехать. Ты отказался. Может быть, сейчас самое время согласиться.

Эдмунд вспомнил. Мистер Харви — Генри Харви — был его другом юности. Они вместе учились в Эдинбурге, вместе мечтали о великих открытиях, вместе хотели изменить мир. Потом их дороги разошлись: Эдмунд остался в Морхоллоу, женился на Элеоноре, занялся психиатрией; Харви уехал в Уитби, женился на местной женщине, занялся торговлей. Они писали друг другу письма — редко, коротко, но писали. Харви приезжал в Морхоллоу дважды в год. Эдмунд ни разу не навестил его в Уитби. Он всегда находил отговорки: работа, дела, здоровье. На самом деле он просто не хотел уезжать из дома. Дом держал его. Дом не отпускал.

— Я не могу, — сказал Эдмунд. — Я не могу оставить

дом.

— Почему? — спросил Лоуренс. — Что в этом доме такого, что держит тебя? Ты сам говорил, что он слишком большой. Ты сам говорил, что хочешь его продать. Так продай. Уезжай. Начни новую жизнь.

— Это дом моего отца, — сказал Эдмунд. — Дом моего деда. Я не могу его продать. Это... это часть меня.

— Дом — это не часть тебя, — сказал Лоуренс. — Дом — это просто стены. Кирпичи. Дерево. Он не может тебя держать. Только ты сам можешь себя держать. И только ты сам можешь себя освободить.

Эдмунд молчал. Он думал о доме. О двух крылах. О двух сердцах. О комнате Элеоноры, которая была заперта, но в которой горел свет. О человеке в кресле, у которого было его лицо. О письме, которое он сжёг. О смехе в темноте. Дом не был просто стенами. Дом был живым. Дом смотрел. Дом ждал. Дом знал.

— Я подумаю, — сказал он наконец.

Лоуренс кивнул.

— Подумай. Но не долго. И ещё одно. Я хочу, чтобы ты кое с кем встретился. Сегодня. Прямо сейчас.

— С кем?

— С мистером Харви. Он в городе. Он приехал вчера по делам. Я случайно встретил его на улице. Он спрашивал о тебе. Он хотел бы тебя увидеть.

Эдмунд напрягся.

— Харви здесь? В Морхоллоу?

— Да. Он остановился в гостинице «Две сестры». Я сказал ему, что ты... неважно выглядишь. Он хочет помочь. Он твой друг, Эдмунд. Настоящий друг. Позволь ему помочь.

Эдмунд колебался. Он не видел Харви полгода — с Рождества, когда тот приезжал в Морхоллоу с подарками и новостями. Тогда Эдмунд был ещё самим собой. Тогда он ещё не знал о втором. Тогда он ещё думал, что всё в порядке. Теперь всё было иначе. Он не знал, что сказать Харви. Он не знал, как объяснить то, что с ним происходит. Он не знал, сможет ли вообще смотреть другу в глаза.

Но Лоуренс был прав. Ему нужна была помощь. Ему нужен был кто-то, кто знал его прежнего. Кто мог сказать:

«Ты не всегда был таким. Ты был другим. Ты можешь стать прежним».

Может быть, Харви сможет ему помочь. Может быть, Харви увидит то, чего не видит он сам. Может быть, Харви спасёт его.

— Хорошо, — сказал Эдмунд. — Я встречу с ним.

Лоуренс улыбнулся.

— Вот и правильно. Он ждёт тебя в «Двух сестрах». Иди сейчас. Не откладывай. И, Эдмунд... — он помолчал. — Будь осторожен. Не говори ему слишком много. Не пугай его. Просто... просто побудь с ним. Поговори о старых временах. Вспомни, кем ты был. Это поможет.

Эдмунд кивнул и встал. Ноги всё ещё дрожали, но он держался. Он вышел из кабинета, прошёл по коридору, мимо миссис Гривз, которая смотрела на него с тревогой, и вышел на улицу. Туман снова сгустился. Город был серым, мокрым, унылым. Эдмунд шёл по улице, опираясь на трость, и думал о Харви. О том, как они были молоды. О том, как они мечтали. О том, как всё изменилось. Он думал о том, что скажет. Он думал о том, что скроет.

Гостиница «Две сестры» стояла на углу Рыночной площади — старое здание с покосившимися окнами и вывеской, на которой были изображены две женщины с одинаковыми лицами. Эдмунд никогда не задумывался о том, почему гостиница так называется. Теперь, глядя на вывеску, он подумал: две сестры. Два лица. Два сердца. Везде двойственность. Везде он видел знаки. Везде он видел себя.

Он толкнул дверь и вошёл. Внутри было тепло, пахло жареным мясом и пивом. Народу было немного — несколько человек за столиками, бармен за стойкой, служанка с подносом. Эдмунд огляделся и увидел Харви. Тот сидел у окна, с газетой в руках и стаканом виски на столе. Он был крупным мужчиной — широкоплечим, с густой тёмной бородой и добрыми глазами. Увидев Эдмунда, он поднялся и пошёл навстречу, раскрывая объятия.

— Эдмунд! — воскликнул он. — Дружище! Сколько лет, сколько зим!

Он обнял Эдмунда крепко, по-медвежьи. Эдмунд почув-

ствовал тепло его тела, запах табака и одеколона, и на мгновение ему стало легче. Как будто он вернулся в прошлое, в те времена, когда всё было просто и понятно. Он обнял Харви в ответ, и они сели за стол.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Харви без обиняков. — Что с тобой? Лоуренс сказал, ты не спишь. Что-то случилось?

— Ничего, — сказал Эдмунд. — Просто устал. Много работы.

— Врёшь, — сказал Харви. — Я тебя знаю тридцать лет. Ты никогда не умел врать. Что происходит? Это из-за Элеоноры? Ты всё ещё не можешь прийти в себя?

Эдмунд опустил глаза.

— Да, — сказал он. — Из-за неё. Я... я не могу её забыть.

— Это нормально, — сказал Харви мягко. — Ты любил её. Она была хорошей женщиной. Но ты не можешь вечно жить прошлым. Ты молод. У тебя вся жизнь впереди. Тебе нужно двигаться дальше.

— Я знаю, — сказал Эдмунд. — Я пытаюсь. Но... — он замолчал. Он не знал, что сказать. Он не мог рассказать Харви правду. Он не мог сказать:

«Я схожу с ума. В моём доме живёт человек с моим лицом. Я теряю память. Я теряю себя».

Это звучало безумно. Это было безумно.

— Но что? — спросил Харви.

— Ничего, — сказал Эдмунд. — Просто... трудно.

Харви посмотрел на него долгим взглядом. Потом откинулся на спинку стула и вздохнул.

— Знаешь, — сказал он, — я приехал не только по делам. Я хотел тебя увидеть. Я беспокоился о тебе. Ты в последнее время писал мне странные письма.

Эдмунд напрягся.

— Странные? Какие странные?

— Ну, — Харви замялся. — Например, в последнем письме ты писал, что хочешь избавиться от балласта. Что тебе нужно освободиться. Что кто-то мешает тебе жить. Я не понял, о чём ты. Я подумал, может, у тебя проблемы на работе. Или с домом. Я хотел приехать раньше, но не мог. Дела. Семья. Ты знаешь, как это бывает.

Эдмунд почувствовал, как холодок пробежал у него по спине. Он не писал таких писем. Он не помнил, чтобы писал что-то подобное. Но Харви не стал бы врать. Значит, письма были. Значит, он их писал. Или второй писал. Второй, который говорил о балласте. Второй, который хотел освободиться. Второй, который считал Элеонору балластом.

— Я не помню этого письма, — сказал он тихо.

— Не помнишь? — Харви нахмурился. — Как это? Ты писал его месяц назад. Я получил его две недели назад.

— Я... я много писал в последнее время. Должно быть, забыл.

Харви посмотрел на него с тревогой.

— Эдмунд, с тобой точно что-то не так. Ты не просто

устал. Ты болен. Ты должен показаться врачу.

— Я сам врач, — сказал Эдмунд с горькой усмешкой.

— Тем более, — сказал Харви. — Врачи — худшие пациенты. Они думают, что всё знают. Они думают, что могут справиться сами. Но они не могут. Никто не может. Тебе нужна помощь.

— Лоуренс говорит то же самое, — сказал Эдмунд. — Он советует мне уехать. Отдохнуть. Пожить у тебя в Уитби. Если ты не против.

Харви просиял.

— Конечно, не против! Приезжай. У меня большой дом. Места хватит. Мы будем гулять по берегу, пить виски, вспоминать старые времена. Тебе это пойдёт на пользу. Ты увидишь, как мир велик. Как много всего, кроме твоего Морхоллоу. Ты отвлечёшься. Ты отдохнёшь.

— Спасибо, — сказал Эдмунд. — Я... я подумаю.

— Не думай. Просто приезжай. Завтра. Послезавтра. Когда сможешь. Я пробуду в Морхоллоу ещё два дня. Могу захватить за тобой. Мы поедем вместе. Будет весело.

Эдмунд хотел согласиться. Хотел сказать:

«Да, заезжай. Я буду готов».

Хотел уехать из Морхоллоу, из дома, от себя. Но что-то его останавливало. Что-то внутри него говорило:

«Не уезжай. Ты нужен здесь. Ты не можешь бросить дом. Ты не можешь бросить меня».

Это был голос второго. Эдмунд узнал его. Он звучал в

его голове тихо, но настойчиво. Он не хотел, чтобы Эдмунд уезжал. Он хотел, чтобы Эдмунд остался. Остался в доме. Остался с ним.

— Я не могу уехать, — сказал Эдмунд. — Дом... дом не может остаться без присмотра. Там миссис Харт, но она не живёт там. Там... там много всего. Я не могу.

— Дом не убежит, — сказал Харви. — Запри его. Оставь миссис Харт ключи. Уезжай на месяц. Ничего не случится.

— Я не могу, — повторил Эдмунд. — Прости. Я не могу. Харви посмотрел на него с сожалением.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду настаивать. Но обещай мне одну вещь. Обещай, что подумаешь. Обещай, что не останешься один. Обещай, что позовёшь меня, если станет совсем плохо.

— Обещаю, — сказал Эдмунд. Он уже обещал это Лоуренсу. Он знал, что не сдержит обещание. Но он не мог сказать нет. Не мог разочаровать Харви. Не мог признаться, что уже сдался.

Они просидели ещё час. Говорили о старых временах, о Эдинбурге, о девушках, в которых были влюблены, о профессорах, которых ненавидели, о мечтах, которые не сбылись. Эдмунд почти расслабился. Почти забыл, кто он и что с ним происходит. Почти поверил, что всё может быть хорошо. Но когда он встал, чтобы уйти, Харви взял его за руку и сказал:

— Эдмунд, подожди. Я хотел тебе кое-что показать.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул Эдмунду.

— Что это? — спросил Эдмунд.

— Это письмо, которое ты мне прислал, — сказал Харви.
— Я взял его с собой. Я хотел, чтобы ты прочитал его. Может быть, ты вспомнишь.

Эдмунд взял лист. Это был его почерк. Он узнал бы его из тысячи. Но слова... слова были не его. Он никогда не говорил таких слов. Он никогда не думал таких мыслей.

«Генри, я устал притворяться. Я устал быть тем, кем меня считают. Я хочу освободиться. Я хочу жить по-настоящему. Но она мешает. Она всегда мешает. Она смотрит на меня и видит не меня. Она видит его. Того, кого я должен играть. Но я больше не могу играть. Я хочу быть собой. Я хочу, чтобы она ушла. Тогда я смогу быть свободным. Тогда я смогу быть настоящим. Ты понимаешь меня, Генри? Ты единственный, кто может понять. Ты всегда видел меня насквозь. Ты знал, что я не тот, кем кажусь. Помоги мне. Скажи, что мне делать. Я больше не могу ждать».

Эдмунд читал и чувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Это было его письмо. Его рука. Его чернила. Но слова были чужие. Слова были второго. Второй писал это. Второй хотел, чтобы Элеонора ушла. Второй хотел быть свободным. Второй говорил о ней как о препятствии. Как о балласте. Как о том, что нужно убрать.

— Ты помнишь это письмо? — спросил Харви.

Эдмунд покачал головой. Он не мог говорить. Горло сжалось. Руки дрожали. Он смотрел на письмо и видел в нём приговор. Не Элеоноре. Ему. Он — убийца. Или второй — убийца. Но они одно и то же. Они одно целое. Значит, он — убийца. Значит, он убил свою жену. Или позволил второму убить её. Или не смог остановить. Или хотел, чтобы это случилось. Он сам не знал. Он уже не знал ничего.

— Эдмунд, — сказал Харви тихо. — Что происходит? Кто такая «она»? Ты писал об Элеоноре? Ты хотел, чтобы она ушла?

— Нет, — прошептал Эдмунд. — Нет. Я не писал этого. Это не я.

— Но это твой почерк, — сказал Харви. — Я знаю твой почерк. Это ты.

— Это не я, — повторил Эдмунд. — Это... это кто-то другой. Кто-то, кто живёт во мне. Кто-то, кто говорит моим голосом. Кто-то, кто хочет занять моё место.

Харви отшатнулся.

— Что? О чём ты?

— Я схожу с ума, Генри, — сказал Эдмунд. — Я болен. У меня раздвоение личности. Я не контролирую себя. Я делаю вещи, которых не помню. Я говорю слова, которых не думаю. Я... я убил Элеонору. Не я. Он. Но он — это я. И я — это он. Я не знаю, кто я. Я не знаю, что я. Я потерял себя.

Харви смотрел на него с ужасом. Потом он сделал то, чего Эдмунд не ожидал. Он не отшатнулся. Не убежал. Не вызвал

полицию. Он подошёл к Эдмунду и обнял его. Крепко, как брата. Как друга. Как человека, которого он знал тридцать лет и который сейчас умирал у него на глазах.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Я не брошу тебя. Что бы ни случилось. Я помогу.

Эдмунд закрыл глаза и позволил себе на мгновение поверить, что это правда. Что кто-то может ему помочь. Что он не один. Что есть выход. Но где-то в глубине его сознания второй смеялся. Второй знал, что никто не поможет. Второй знал, что Эдмунд уже принадлежит ему. Второй знал, что конец близок. И он ждал. Он терпеливо ждал. Он умел ждать.

Эдмунд открыл глаза и посмотрел на Харви. Он хотел сказать спасибо. Хотел сказать, что ценит его. Хотел сказать, что не заслуживает его доброты. Но вместо этого он сказал:

— Мне нужно домой. Мне нужно вернуться. Пока он не вышел.

Харви кивнул.

— Я провожу тебя.

— Нет, — сказал Эдмунд. — Я должен идти один. Пожалуйста. Я должен быть один.

Харви не стал спорить. Он только сжал руку Эдмунда и сказал:

— Я буду в «Двух сестрах» ещё два дня. Если что-то случится — приходи. В любое время. Днём или ночью. Я буду ждать.

Эдмунд кивнул и вышел из гостиницы. Туман снова оку-

тал его. Он шёл по улице, сжимая в кармане письмо. Письмо, которое он не писал. Письмо, которое написал второй. Письмо, которое доказывало, что он — убийца.

Он шёл домой. Дом ждал его. Два окна светились в темноте, как два глаза. Эдмунд поднялся по ступеням, открыл дверь и вошёл. В холле было темно. Он зажёг газ и посмотрел в зеркало. Отражение смотрело на него. Оно улыбалось. Эдмунд не улыбался. Он никогда не улыбался. Но отражение улыбалось. И в этой улыбке было что-то новое. Что-то торжествующее. Что-то окончательное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.